

Владимир Дулга
Трое на плоту

Таёжный сплав

Владимир Дулга

Трое на плоту. Таёжный сплав

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20614084

ISBN 9785448300387

Аннотация

Книга рассказывает о друзьях-одноклассниках, сплавающих по коварной таёжной реке. Прекрасная природа, загадочный и страшный обитатель омута у Чёрной скалы. Желтоглазые волки и быстроногие косули. Местные сказания, превращающиеся в явь. Самолёт времён войны на дне озера. Рассказ о настоящей дружбе, позволившей преодолеть все трудности, страхи и опасности. Повесть «Медведь» – поход друзей в тайгу, «в хребёт», за кедровыми шишками. Удивительные встречи, приключения и курьёзные случаи.

Содержание

Об авторе	5
Трое на плоту	6
Вместо предисловия	6
Часть первая	7
Таёжный посёлок	7
Речки	10
Железная дорога	13
Весна	16
Ледоход	18
Друзья	22
Школа и наши планы	26
Поехали	30
Неожиданная встреча	35
В «трубе»	47
Солнечный плёс	59
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Трое на плоту Таёжный сплав Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2016

ISBN 978-5-4483-0038-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родился и вырос в семье офицера. Своей малой Родиной считаю Забайкалье, где прошло моё детство и юность, в небольшом, таёжном, военном городке. Выбрал, как и у отца, профессию военного. Окончил Благовещенское танковое училище и Академию бронетанковых войск. Сменил множество должностей и мест службы, был советским военным советником в Сирии. Сюжеты моих работ взяты из детства, службы и повседневной жизни. Герои произведений – друзья юности, сослуживцы, товарищи, простые люди.

Трое на плоту

Повесть

Вместо предисловия

Наиболее яркие воспоминания и впечатления юности приходятся на годы, прожитые в небольшом, затерянном в таёжных сопках, забайкальском посёлке, на севере Читинской области.

Первозданная красота тайги, необъяснимое очарование вечнозеленого моря, подёрнутые синеватой дымкой далёкие сопки, наложили неизгладимый отпечаток на светлое, красочное восприятие мира, так характерное для детства. И даже сейчас, по прошествии многих лет, уже одно название этого места, этой крошечной точки на карте Транссибирской магистрали, рождает в памяти нежные и тёплые воспоминания, возвышающие и несущие в прошлое, в неповторимую и прекрасную юность!

Часть первая

Таёжный посёлок

Небольшой уютный посёлок, в котором мы жили, расположился в широкой долине, окаймлённой со всех сторон суровыми и сказочно красивыми таёжными сопками, на севере переходящими в непроходимые скалы, тянущиеся до Северного Ледовитого океана. На юге, вечнозелёное таёжное море плавно вклинивалось широкими языками в лесостепь, мелкими островками зелени простиралось до самой Монгольской границы. С востока на запад долину разрезали железная дорога и довольно широкая, с множеством перекатов и плавных плесов, говорливая, весёлая, с хрустально чистой водой горная речка.

На протяжении сотен километров бежали рядом громахающая груженными составами, блестящая отполированными нитками рельсов железнодорожная артерия, и скромная, звонкая на перекатах и в теснинах, иссиня чистая в глубоких омутах, отражающая красоту прибрежной тайги, быстрая река.

На востоке железная дорога упиралась в дальневосточный портовый город, на западе, с приближением Уральских гор, разделялась на множество ответвлений и веток. Речка, вы-

текая из таёжных горных озёр и студёных болот, то стремительно неслась, зажатая теснинами горных скал, то, с выходом на равнинные участки, дробилась на множество протоков и стариц и вновь сливалась в одну полноводную, могучую стрелу. В нижнем своём течении чистые воды реки соединялись с прохладными струями других рек – сестёр. И вот уже одним целым, стремительным и сильным отдавали себя могучему озеру Байкал.

В самой реке и питающих её горных речушках в большом количестве водились прожорливый окунь, меланхоличный чебак и красноперка, хитрый стремительный хариус, зубастые, вечно голодные ленок и щука и, конечно же, царь таёжных рек, неутомимый охотник и безжалостный хищник – пятнистый таймень.

Старицы, заболоченные протоки и прибрежные озёра были плотно заселены золотистыми карасями, глупыми плодовиатыми гольянами, зелёно-полосатыми озёрными окунями, стремительными щуками и царственно медленными, похожими на тарелку, карпами-долгожителями.

Поселок, насчитывающий около десяти тысяч жителей, двумя основными, достаточно прямыми улицами, протянулся вдоль железной дороги, которая, по-видимому, и дала ему жизнь. В почтовом адресе посёлок значился как «станция». Улицы были по-сибирски широкими и чистыми. К ним примыкали множество других улиц и переулков, длинных и коротких. С хорошими рублеными домами, дворовыми по-

стройками и большими огородами. На востоке и западе посёлок заканчивался двумя военными городками авиаторов, которые, по местоположению относительно железной дороги, назывались «Южным» и «Северным».

Быт в таёжной глубинке во многом отличался от уклада жизни в крупных городах и столицах. Телевидение в то время в посёлке отсутствовало и единственным, действительным очагом культуры был Дом офицеров. Где регулярно работали различные кружки и секции, имелась богатая библиотека, бильярдные залы. Ежедневно демонстрировались художественные фильмы, в субботу и воскресенье устраивались танцы. Имелся драматический кружок, его участники давали постановки, на которые собиралось громадное количество зрителей. Для всех желающих ежедневно открывались двери двух спортивных залов, причём один из них – отапливаемый, размещался в огромном самолётном ангаре. Площадь его позволяла играть в ручной мяч и баскетбол одновременно. Зимой на футбольном поле заливали каток, и дети после уроков проводили на нем всё свободное время. Воскресенье обычно отдавалось любимому зимнему развлечению – лыжам. Окружающие сопки являлись идеальным местом для скоростных спусков по головокружительным склонам и крутым распадкам.

Редкий мальчишка в посёлке не умел плавать. Коротким забайкальским летом самым любимым местом отдыха подрастающей детворы, была река. Она тянула и манила к се-

бе. И наряду с традиционными походами за грибами и ягодами, заготовкой шишек и кедровых орех, речка была главным развлечением – основой летнего отдыха.

Речки

Люди испокон веков селились по берегам рек и озёр, в водах которых добывали себе пищу. Жилища обычно возводились как можно ближе к воде, хозяйственные постройки, бани и огороды располагались на самом берегу.

Посёлок строился в период освоения таёжного края и строительства железной дороги. Он стоял на возвышенности и своими очертаниями повторял изгибы железнодорожных путей. Река не являлась судоходной, и жители не занимались промышленным ловом рыбы.

Собственно реки было две. Ближнюю, протекающую в нескольких сотнях метров от посёлка, нарекли «Протокой». Она брала своё начало из неизвестных ключей под горой, на краю посёлка. Через десяток километров упорного блуждания возле перелесков и на близлежащих полях, Протока втекала в основную реку. Она была спокойной и тихой с множеством широких, заросших травой и осокой плесов, соединённых между собой ручейками, через которые проходили тропинки и дороги. Эти места назывались бродами. Здесь всегда было много галдящей младшей детворы, рубашками и майками ловившей мальков на мелководье, брыз-

гающей и визжащей. Девочки постарше, сосредоточенно, как будущие хозяйки, чистили песком чугушки и сковородки, неподалеку, с мостков женщины полоскали бельё. Иногда на берег реки, в районе старых песчаных карьеров, с песней приходило подразделение солдат из ближайшей части. Там на берегу стоял шест с белым флагом и красным крестом, рядом палатка. Между мостками были натянуты канаты – дорожки. Играла музыка. Этот участок реки называли «солдатской купалкой» и здесь было довольно глубоко. Появление поющего строя солдат, на некоторое время отвлекали детвору от обычных занятий, наиболее бойкие старались пристроиться в хвост или голову колонны и тоже пошагать по пыльной дороге и невпопад попеть песню. Но вскоре строй рассыпался. Из одноцветного зеленого превращался в сине-голубой, по цвету трусов и маек.

Среди серьёзных пацанов купаться с детворой на Протоке считалось делом постыдным. Рыба тут ловилась плохо, в основном сетями и в плетеную «мордушку» – рыболовную снасть.

Раз в пять – шесть лет, в период большой воды, Протока оправдывала своё название и становилась проточной, соединяясь выше посёлка с основной рекой. Являлась тогда жителям полноводной и страшной, как вырвавшийся на волю разъярённый зверь, легко сносила размещённые близко от воды постройки, заборы и стога сена, пыталась вылиться в улицы и переулки, неслась шумной, пенной, грязной

массой. Уже никто не помышлял перейти её вброд в знакомом месте, слегка закатав штаны, или переехать на велосипеде. Именно тогда люди добрым словом вспоминали первых переселенцев, не позарившихся на призрачные блага строительства ближе к воде, и построивших посёлок на возвышенности, там, где разгневанная вода не могла его достать.

Вторая речка имела своё название, но чаще называлась просто «Река». И если человек говорил, что пошёл на Реку, было ясно, что он идет не на Протоку. Основная река протекала в трех – четырёх километрах от посёлка, петляя по долине. Почти на протяжении всего лета была полноводной, с сильным течением, как и положено горной реке. Самый высококлассный пловец, не мог плыть против её течения, в лучшем случае, он плыл на месте, не в силах справиться с потоком. Рискнувшего переплыть реку смельчака, сносило вниз течением на сотни метров, в зависимости от ширины русла. Множество перекатов и порогов делали реку не судоходной. Одно время горячие головы из центра пытались организовать на ней молевой сплав леса, но застрявшие на перекатах брёвна создавали многокилометровые заторы, которые с трудом разбирали рабочие. Иногда завалы стояли до очередного половодья. Вскоре бессмысленные попытки сплава прекратились, но множество бесхозного товарного леса многие годы валялось по берегам и на островах.

Протекая по каменисто-щебёночному руслу, река оставалась чистой и прозрачной, практически полное отсутствие

вредных производств на её красивых берегах, делали воду пригодной для питья на всём протяжении.

Железная дорога

Редкое путешествие обходится без дороги и в частности железной, она разделяла посёлок на две части и соединяла его с остальным миром. По дороге в посёлок приезжали люди, чтобы остаться тут навсегда, или прожить определённый срок, а затем, вновь по этой же дороге, уехать на время, или насовсем. По железной дороге дети уезжали с родителями в отпуск, как казалось, далеко – далеко. И через месяц – полтора, загоревшие под южным солнцем, соскучившиеся по дому, возвращались назад, жадно разглядывая – что тут изменилось за их отсутствие? Поезда в то время водили паровозы, это позже магистраль стала электрифицированной. Товарные составы тянули один – два чёрных, закопчённых паровоза, которых почему-то звали «американками». На станции у водокачки они набирали воду, мощной струёй сбегаящую в тендер из колонки. Затем короткими сигналами паровозы переговаривались и оба, одновременно, выпуская в небо тугие струи дыма и пара, трогали вагоны с места. Натужно пытая, бешено вращая на месте огромными колёсами, в облаках пара и дыма, выводили тяжёлый состав со станции. И долго ещё окрестные сопки оглашали их тяжёлые вздохи и затихающий перестук колёс.

Интеллигентно-чинными на фоне этих тружеников выглядели пассажирские поезда, их водили стремительно-эlegantные, с зелёными боками и ярко красными колёсами «Лебедянки» – паровозы серии «Л». Вот вдали от станции, приближаясь, нарастал плотный гул, слегка разбавленный лёгким перестуком колёс, из-за пузатой, красной водокачки, изящно изгибаясь на повороте, радостно блестя широкими, светлыми окнами, мягко стуча на стыках колёсами, появлялся поезд. Влекомый изумрудно-зелёным паровозом, в облачках белого лёгкого пара, он плавно останавливался на первом пути. Хлопали открывающиеся двери и подножки, на перрон вытекала многоголосая, пёстрая публика, неся с собой запахи чужих городов, тепло южных морей, шум волн и крики чаек с берегов Тихого океана. Но колокол бил отправление, и поезд также неожиданно исчезал, неся своих пассажиров к новым городам и встречам.

Два раза в сутки через станцию проходил пригородный поезд, состоящий из трёх старинных, с деревянными ступенями, пассажирских вагонов и двух одноосных, не менее древних, товарных, поезд почему-то называли «Учеником». Говорят в стародавние времена, он собирал школьников – детей железнодорожников и возил в школу на ближайшую узловую станцию. А вечером после уроков развозил по домам, но годы шли и во многих населённых пунктах построили собственные школы и интернаты, но это детское, забавное название за поездом так и осталось. В последние годы

он связывал два районных центра, отстоящих друг от друга на расстоянии, примерно, двухсот километров. Поезд приходил в посёлок утром, в пять часов, и шёл на восток, а вечером, в половине шестого, он возвращался на запад, график движения соблюдался строго. И если, находясь далеко от дома на рыбалке или в лесу вблизи железной дороги, человек видел днём спешащий на запад всеми узнаваемый куцый состав, значит, время приближалось к шести. Несмотря на преклонный возраст, в вагонах всегда было чисто и уютно, от желтых деревянных сидений пахло лаком и старым деревом. Ближе к паровозу находились товарные вагоны, в одном перевозили почту, изредка багаж и железнодорожный инвентарь, в другом – хлеб, который выгружали на всех остановках. Товарными вагонами заведовал суровый дядька с густой рыжей бородой, по имени «дядя Витя». Коротенький состав водил высокий, тоже почему-то укороченный, со стеклянной крышей паровоз серии «СУ», он был всегда чистеньким и ухоженным, чувствовалось, что локомотивная бригада относится к ветерану с любовью и уважением.

Что никак нельзя было сказать о вечно спешащем, задёрганном, маслянисто-грязном маневровом паровозике серии «ОВ» «Овечка» – как ласково называли его железнодорожники. Ловко снующим по путям, бесконечно перекатывая, соединяя и расцепляя вагоны, хриплым гудком покрикивая на зазевавшихся пассажиров, лишь изредка позволявший се-

бе отдохнуть в дальнем тупике за складами.

Железная дорога жила своей особой жизнью. День и ночь, неся на своих плечах миллионы тонн груза и тысячи пассажиров, не замирая ни на секунду.

Весна

Как бы ни была длинна забайкальская зима, какие бы лютые морозы и злые ветра не несла она с собой, однажды наступал тот долгожданный день, когда всем становилось ясно – зима пошла на убыль. И пускай по утрам мороз ещё щипал нос и щеки, а в воздухе по-прежнему висела морозная дымка, днем солнышко начинало пригревать, нет-нет, да и закапает капель с запаривших крыш домов и сараев, потянутся к земле остроконечные сосульки. Очумевшие от морозов, грязные от сажи воробьи, больше уже не жмутся к печным трубам, а деловито прыгают по оттаявшим дорогам, выскивая что-то съестное, оглашая округу разноголосым, радостным чириканьем.

Местные ребята по-прежнему играли в хоккей на катке футбольного поля, но лёд становился каким-то мягким, податливым и не давал развивать прежнюю скорость. Воскресные лыжные вылазки в лес стали надоедать. На лыжне во многих местах, особенно на южных склонах, появились пятна земли и прошлогодней травы. Лыжные трассы, проложенные по замёрзшим болотам, вдруг упирались в возник-

шие за ночь наледи – ледяные горбы с сочащейся водой. Подо льдом шла своя весенняя жизнь невидимая людям, пока ещё маленькие ручейки приносили с горных распадков влагу, и она потихоньку поднимала лёд. В тайге стояла звенящая тишина, изредка нарушаемая криком птиц, вековые сосны и ели под весенними лучами сбросили груз снега, и сейчас с освободившимися поднятыми ветками тихо ждали тепла. Воздух был наполнен свежестью и ожиданием!

Постепенно снег таял, сначала на взгорках и южных склонах, потом появились проплешины земли на полях и заснеженных косогорах. Снег медленно исчезал, являя миру тоненькие стрелки зелёной травы, упорно пробивающиеся сквозь прошлогоднюю желтизну, сиреневые колокольчики подснежников, с ярко-желтой серединкой, пышное ликование зарослей багульника, в обрамлении вечно зеленых елей, повсюду звенели, переливаясь в бликах солнца, весенние ручьи. Громадные сугробы в глубоких оврагах и распадках синевато потемнели и сели – сжались под лучами солнца. Берёзы, тополя и ивы, как и раньше, оставаясь без листвы, накинули на себя светло-зеленую вуаль набухших почек. Воздух задрожал от аромата согревающейся земли, поднимаясь на горизонте волнами, искажая очертания деревьев и сопок.

И однажды, тёплым весенним вечером, на землю опустился туман, плотный и мягкий как вата, он скрыл поселок и станцию. С высокого места было видно, как пухлые, мягкие, белые языки тумана расползаются по ближайшим рас-

падкам и оврагам. Деревья и дома, как бы висели в воздухе, отрезанные от земли плотным ковром тумана, и звуки с трудом пробивались через это покрывало. Паровоз с составом казался не реальным, так как двигался почти бесшумно, наполовину выступая из тумана и раздвигая его своей мощной грудью, наподобие былинного богатыря. Наутро туман съел оставшийся снег и лёд, кусты и деревья дружно зазеленели крохотными листочками, рано проснувшиеся птицы огласили мир радостным пением. Тёплый ветер разогнал туман, и лучи горячего солнца заполнили мир!

Ледоход

А на реке, на первый взгляд, всё оставалось по-старому. Также мощный ледяной панцирь сковывал её гладь, и казалось, нет таких сил, чтобы сбросить эти надоевшие ледяные оковы. Но так казалось только на первый взгляд. Если внимательно присмотреться и здесь присутствовали большие перемены, то там, то здесь, на льду задымилась паром верховая вода, то есть вода, вышедшая поверх льда. Во многих местах появились полыньи и промоины, в которых журчала и шумела вода, подтачивая ледяной свод. Множество ручейков, ручьёв и горных речушек несли в реку талую воду, и она исчезала подо льдом, да и сам лёд от берега теперь отделяла полоска воды, которая день ото дня становилась всё шире и шире.

Если тихонько постоять на берегу, то становится слышно, будто что-то шумит и ворочается подо льдом, сдержанный гул становится всё мощнее и мощнее, он ширится и охватывает всё пространство над рекой и прибрежными лесами. Кажется что это нечто, вот-вот вырвется наружу со страшным грохотом, сметая всё на своём пути.

И в один из солнечных дней в первых числах мая, когда река набухла от весенней влаги и вроде бы даже вспучилась посредине ледового панциря, люди в ближайших к реке населённых пунктах услышали хлесткий, как выстрел орудия грохот, переходящий в гулкие перекатывающиеся вдаль, и возвращающиеся раскаты, похожие на летний гром. Гром, идущий ни сверху – с неба, а передающийся по земле, по её земной тверди, как будто даже почва качнулась под ногами. Зазвенели стёкла в окнах домов, посуда на полках, залаляли собаки.

– Река пошла!

Её было не узнать. Вся ширина ледового покрова от берега до берега покрылась множеством трещин. Лёд продолжал трескаться, стреляя вверх и в стороны мелкими кусочками. И над всем ледяным полем солнечные лучи, переламываясь в искрящихся ледяных брызгах, создавали причудливую радугу цветов. Грохот стоял невероятный! Вся эта стреляющая, грохочущая, переливающаяся громада медленно двинулась вниз по течению, неестественная в своём жутком, медленном, одновременном и неудержимом движении.

Из-под льда брызнула вода, мгновенно затопляя прибрежные кусты, шипящими бурунчиками понеслась в низинки и овражки, увлекая за собой мусор и прошлогоднюю листву.

Через несколько часов, спящая долгие, зимние месяцы река, продемонстрировала людям свою неистраченную мощь и силу. Ширина реки увеличилась в несколько раз, она затопила все низменные места, балки и овраги, некогда высокие прибрежные кусты едва выглядывали верхушками из мутных, свирепых волн. Вода лизала железнодорожную насыпь, пыталась выплеснуться на улицы посёлков. Перед взорами стоящих на высоком берегу людей, неслись в бешеном водовороте, постоянно покачиваясь на волнах громадные поля льда. Они с хрустальным звоном сталкивались друг с другом, с шипением лезли на берег, дробились о камни и вновь исчезали в воде, большие льдины, зажатые на перекатах, ломались, вставали вертикально вверх и с грохотом опрокидывались в воду. Всё напоминало долгожданный, большой, неудержимо весёлый, разухабистый праздник.

На следующий день льда стало гораздо меньше, река несла его из верховой. Вот из-за поворота появился кусок зимней дороги с еловыми вешками, дорожной колеёй, клочками упавшего с саней сена, и так же быстро исчез за очередным поворотом. Как в кино перед глазами людей проплыла большая льдина, с брошенным стожком сена и сидящими, прыгающими возле него тремя или четырьмя, не сменившими шубки, белыми зайчатами. А на следующей льди-

не, метрах в ста, одиноко металась хитрая лисица, по-видимому, на этот раз перехитрившая саму себя, позарившаяся на беззащитных зайцев и попавшая впросак. Вероятно привыкшая за своё неблизкое путешествие ко всему, и не обращающая никакого внимания на свист и крики собравшихся на берегу людей. Вот появились оставленные кем-то громадные тракторные сани со стогом сена на них, наверное, хозяйева поздно спохватились и не смогли спасти добро. Плыли мимо заборы, мостки, брёвна, части недавно ошкуренного деревянного сруба, полузатонувшие железные лодки парома. Ныряя и вновь появляясь на поверхности, проплыли чьи-то ворота со столбами и перекладиной. Чередой проследовали двухсотлитровые бочки из-под горючего, вероятно смытые с берегового склада.

А лёд всё шёл и шёл, громадные льдины не вписывались в повороты и въезжали в прибрежный кустарник, следующие за ними бились о передние, заталкивая их ещё дальше. С грохотом ломались ветки, подмытые берега обваливались, увлекая за собой растущие на них сосны и кусты черёмухи. Всё это плыло вниз по течению и застревало на ближайшем перекате. Река буйствовала несколько недель, постепенно успокаиваясь, и уже к концу месяца вошла в своё, обычное русло. О былом разгуле напоминали лишь сломанные кусты, завалы бревен на мелководье, мусор на берегу и кое-где застрявшие в кустах и оставшиеся на берегу льдины. Пришла весна!

Друзья

Мы жили в Северном городке и, как большинство детей военных, часто переезжали с места на место, менялись города, посёлки, школы. Приходило время расставаться с одними коллективами и вливаться в новые классы, многие помнят то любопытство в десятках детских глаз, когда ты стоишь перед классом, а учитель говорит:

– Познакомьтесь, это наш новый ученик!

Недельку – две ходишь с кличкой «Новенький», а потом появляются друзья, и ты становишься своим, как будто был здесь всегда. Некоторых родителей переводили очень часто, поэтому редкий счастливчик оканчивал школу с друзьями по первому классу. Обычно коллектив друзей – товарищество, существовало три-четыре года, а затем приходил приказ, и ребята разъезжались. Но оставались друзьями и переписывались годами, порой, будучи уже взрослыми.

На каком-то этапе взросления судьба свела вместе нас – троих надёжных, верных товарищей. Несмотря на то, что мы учились в параллельных классах и жили в противоположных концах военного городка, сближала ребят неистребимая тяга к путешествиям, жажда приключений, рыбачий азарт и любовь к суровой забайкальской природе.

Один из друзей – Владимир, из-за своей фамилии, среди сверстников был больше известен, как «Фома». Это был

хорошо сложенный, круглолицый, коренастый парень с правильными чертами лица, чуть-чуть вздёрнутым носом, карими глазами, жестким ёжиком зачёсанных назад волос и ямочкой на волевом подбородке. Фома отличался большой физической силой, занимался штангой и боксом, доблестно защищал ворота в хоккейных баталиях. Как все сильные люди, был добродушен и выдержан, большого труда стоило вывести Фому из себя, но не меньших усилий требовалось для того, чтобы успокоить кем-то рассерженного друга. Вовка не переносил обмана и необязательности, никогда сам не опаздывал. Первым не применял свою недюжинную силу, к поверженным врагам был снисходителен, убежавшего противника не преследовал.

Другого друга звали Юрием, и странно было то, что охочие до всяких обидных прозвищ дети, его фамилию никак не трансформировали, он так и остался Жаровым. Причем реже – Юра, чаще – Жаров. Это был худощавый, среднего роста мальчишка, со слегка вытянутым лицом, немножко заострённым носом. Его большие, серые глаза казались ещё больше за стёклами квадратных, в тёмной оправе, очков. В целом лицо можно было назвать интеллигентным.

В походах отличался редкой выносливостью и трудолюбием. По характеру был полной противоположностью Фоме, не терпел пунктуальности, само слово «порядок» воспринимал как личное оскорбление, постоянно опаздывал на ранние выезды. Вместе с тем, всегда был в готовности помочь

попавшему в беду товарищу, мог поделиться последним, в самых сложных ситуациях не выказывал трусости.

Третий из друзей, тоже Владимир, по многим показателям занимал серединку, являлся соединяющим звеном и генератором идей всей команды. За желание постоянно что-то мастерить звался «Делкиным» на прозвище не обижался, был достаточно крепким, выносливым, занимался теннисом и лыжами, в хоккейной команде играл нападающим.

В начальных классах все трое числились в отличниках и хорошистах, но в старших классах восьмилетней школы перешли в разряд середнячков. Смирились с этим положением, но когда нужда подгоняла и надо было подтягивать хвосты по какому-нибудь предмету, углублялись в учебу и, ценой невероятных усилий, на какое-то время, исправляли положение. Не слыли особыми хулиганами, но и к пай-мальчикам не относились, могли постоять за себя, чем снискали уважение среди друзей и немногочисленных недоброжелателей.

Немного о наших верных железных друзьях – велосипедах. В посёлке, где не было никакого общественного транспорта, главным способом передвижения был велосипед. На нем ездили в гости, за хлебом, на реку купаться и на рыбалку, он был надежным другом в походах за грибами, ягодами, кедровыми шишками. Взрослые ездили на нем на аэродром и в дальние казармы. Местные жители на велосипеде выезжали на покос и в гости в соседний поселок

за десять-пятнадцать километров. Порой старушка преклонных лет, с трудом передвигающаяся пешком, достаточно резво катила на велосипеде, звонком предупреждая играющую детвору о своём приближении. Вся трудность заключалась в процессе посадки бабушки на велосипед и последующей её остановки в конце маршрута.

Велосипед был необходимой вещью, его, как реликвию, передавали из поколения в поколение, от старшего к младшему и нередко за свой велосипедный век, он менял около десятка хозяев. В то время велосипедов в продаже было мало, и многие ребята ездили на агрегатах, доставшихся от отцов и старших братьев.

У троицы были свои велосипеды, разных возрастов, марок, каждый со своей историей и судьбой.

С наступлением первого тепла, мы садились на своих железных коней, и ставили их на зиму, когда снег уже хорошо укрыл землю, и ездить становилось скользко.

Именно благодаря велосипедам был досконально изучен берег нашей реки, вверх и вниз по течению на несколько десятков километров. По весне, когда в тайге кое-где ещё лежал снег, наступал сезон сбора шишек сосны на семена, и велосипед исправно возил пахнущие смолой мешки с зелёными шишками из тайги к зданию лесничества. Затем наступал сезон земляники, смородины, брусники, голубики, а осенью кедровых шишек и орехов. А между этими, периодически сезонными сборами, была, конечно, захватывающая

рыбалка, с медно-багровыми вечерними закатами, ночными кострами, стреляющими миллиардом ярких искр, с чутким сном в уютном шалаше у журчащей воды. С утренним туманом над ещё не проснувшейся рекой, с первыми лучами восходящего, рассветного солнца над дальними, восточными сопками и непременно – с богатым уловом!

Школа и наши планы

Всем известно, что школьные годы чудесные, вряд ли кто с этим будет спорить, именно так поётся в песне. И начало учебного года тоже праздник, поэтому и взрослые, и уже вкусившие все прелести учебы дети, с таким умилением и жалостью смотрят в этот день на бестолково радостных, ни о чем не ведающих, первоклашек. И слёзы на глазах родителей, в свое время познавших, что такое школа – вполне натуральные – их можно понять и легко объяснить. Нетрудно поверить в то, что, уходя весной на каникулы, дети с трудом расстаются со школой, всё лето видят во сне дорогие лица учителей, а уже в начале августа, с замиранием сердца, считают, сколько дней осталось до первого сентября.

Нет, не будем заниматься обманом – голова школьника, глядящего в окно на зеленеющие пригорки и перелески, чувствующего в воздухе приближение лета, занята совсем не тем, о чём говорят в классе. Его здесь нет – он на реке, в лесу, он купается и ловит рыбу, куда-то несётся на велоси-

пеле, или просто сидит на солнышке и смотрит на поплавок. Не мешайте ему – он мечтает!

Мечтать друзья начали ещё прошлым летом. Мы прекрасно знали родную речку, все её повороты, плёсы, протоки и перекаты. Могли без труда, в любое время дня и ночи, найти брод и не только перейти самим, но и перенести с собой велосипеды, рыболовные снасти и поклажу. Теперь неугомонным путешественникам хотелось чего-то нового, неизведанного, манили к себе незнакомые места, уловистые омуты, рыбные устья горных речек.

План состоял в следующем: за зиму подготовить всё необходимое, а на летних каникулах отпроситься у родителей на три дня на рыбалку. С велосипедами, оборудованием, снастями и поклажей, утренним пригородным поездом уехать за тридцать-сорок километров вверх по течению реки. Там на велосипедах выехать к речке, найти удобное место с достаточным количеством необходимого материала, в течении нескольких часов построить плот, загрузиться на него, и начать сплавливать вниз по течению – к дому. Попутно изучая реку, останавливаясь ненадолго в понравившихся местах для рыбалки и отдыха. И во второй половине третьего дня пути, в независимости от своего местоположения, закончив путешествие, на велосипедах засветло возвратиться домой, чтобы не тревожить родителей. Сложность предстоящего похода заключалась в том, что по незнакомым местам ребятам предстояло плыть более двух десятков километров. Нельзя

сказать, что эти места были совсем новы для друзей. Делкину в тех краях приходилось бывать несколько раз, с отцом – заядлым рыбаком, ставя сети на Старом русле. В тех же краях находилась знаменитая падь Санхара, с её несметными зарослями голубики, куда друзьям не единожды случалось ездить с родителями. Но одно дело быть при родителях, когда даже встреча с местными пацанами практически ничего не значила. И совсем по-другому могло закончиться это общение, когда вокруг совсем чужие, не дружелюбно настроенные лица. Так что путешествие по территории враждебных «племен» могло закончиться синяками и потерей части имущества, снастей и транспорта, в лучшем случае. Оставалось надеяться на внезапность, свои физические качества, сообразительность и удачу.

Всю зиму друзья готовились к походу, по общему согласию распределив, кто что делает, ищет, изготавливает. В результате работы к весне имели: небольшую бухту стальной проволоки, как связывающего материала, два десятка скоб, для сбивания плота, килограмма три гвоздей различного калибра. Кусок самолётного брезента – два на четыре метра, в меру толстого и не тяжелого, с кольцами по краям, откидным карманом, куда вшили квадратик оргстекла, и получилось окошко, брезент впоследствии использовался для оборудования палатки. В магазине, на деньги собранные от сдачи в лесничество еловых шишек, купили две бухты бельевой верёвки, два эмалированных ведра с крышками, несколько

пачек соли, десяток стеариновых свечей. В багаж, помимо этого, входил неизвестно где найденный большущий, дырявый медный таз, но вполне пригодный для разведения в нём костра прямо на плоту. Инструмент: малый и большой топор, ножовка, двуручная пила в чехле, гвоздоёр, кусачки и монтировка.

Знаменем экспедиции был избран флаг Военно-Воздушных сил, неизвестно откуда принесённый Жаровым. Кроме того, каждый имел рыболовную снасть исходя из своих пристрастий и склонностей. Два Вовки взяли с собой по спиннингу с набором различных блёсен, грузов, поводков и карабинчиков, по две раскладных бамбуковых удочки с трубками-удлинителями и несколько закидушек со звонками. Юрка не любил спиннинговую рыбалку, поэтому у него вместо спиннинга были «саночки» – эдакий плавучий перемёт. Имелись запасные крючки, свинец для грузов, леска и поплавки. Особую заботу к себе требовали, заранее накопанные и содержащиеся в брезентовой сумке с землёй, черви. Их нельзя было не перегреть, ни перемочить, иначе рыбаки остались бы без наживки, а рыба без еды. Припасена была и марля для ловли мальков, которых почему-то называли «омольками». Все приготовления и сборы проводились в обстановке строгой секретности, и от друзей, и от родителей.

Для транспортировки такого груза требовалась модернизация наших велосипедов. По бокам багажника были укреплены старые школьные ранцы, сохранившиеся ещё с млад-

ших классов. В обязательный комплект входили карманные фонарики с запасными батарейками, спички и нож. Отцом мне был подарен прекрасный охотничий нож с наборной ручкой и специальными ножами. Необходимой одеждой за-
пасся каждый, так как ночёвка на плоту у воды требова-
ла тёплых вещей. Продукты и посуду каждый брал из дома
по своему усмотрению. Имуущество друзей пополнили два
армейских котелка и закопчённый в походах старый чайник,
под первое, второе и третье.

Поклажа была не тяжёлая, но занимала много места.

Всё было готово, оставалось ждать каникул. Наконец
школьные дела были закончены, оценки за четверть и за год
выставлены. Ученики счастливые и радостные последний
раз в этом году построились на торжественной линейке, зву-
чали напутственные речи, поздравления с окончанием учё-
бы. До свидания школа – впереди целое лето, впереди кани-
кулы!

Поехали

Короткое забайкальское лето, между тем, набирало силу.
Пышно, с кружащим голову ароматом, цвела черёмуха, враз,
белыми облаками опустилось на землю цветение дикой яб-
лони, выстрелили липкими светло-зелёными побегам хвой-
ные деревья, изумрудными волнами взошедших нив, заколо-
сились поля. А над всем этим раздольем, высоко, в бездон-

ном, синем небе, еле заметными точками, запели жаворонки...

Несмотря на то, что по количеству солнечных дней Забайкалье, как утверждают учёные, превосходит даже Сочи, ночами было ещё прохладно. В Забайкалье говорят: «Первая половина июня ещё не лето, а вторая половина августа, уже не лето». Поэтому с началом экспедиции пришлось подождать – вода ещё не прогрелась, редкие смельчаки решались броситься в реку, но тут же выскакивали с криком на берег, бежали к костру, растирая покрывшееся гусиной кожей тело.

Друзья не теряли времени даром, выезжали на дневные рыбалки, опробовали снасть и уже имели в активе не по одному пойманному ленку. Юра опробовал «саночки» и хотя у нас были такие же, я не за что бы ни променял на них свой любимый спиннинг. Но как говорится – каждому свое. «Саночки» – это как бы два закругленных полозка, что-то вроде разломанной пополам крышки маленькой бочки, скрепленных поперечными реечками наподобие катамарана. Причём одна была меньше, а другая больше размером. К меньшей, понизу прибивалась свинцовая пластинка – груз. Конструкция, похожая на санки, отсюда и название «саночки», при помощи трёх поводков из толстой лески крепилась центральная бечева длиной до пятидесяти метров. К бечеве, через равные расстояния, привязывали прочные из капроновой лески поводки с прикреплёнными на конце искусствен-

ными мушками. Они формой, цветом и размерами походили на случайно попавших в воду кузнечиков, бабочек и прочих, съедобных для рыбы, насекомых. Каждый, уважающий себя юный рыбак, вполне мог сам изготовить подобную мушку, используя крючок, шерсть, лучше медвежью и разноцветные нитки. Вся конструкция была выполнена таким образом, что если давать слаbinу центральной тетиве, саночки плавно сносило течением вниз. Если подтягивать – санки двигались навстречу течению и прикрепленные к ней на поводках искусственные мушки, прыгали по воде, создавая эффект насекомых.

Для удобства управления, ручка одновременно служила и барабаном для наматывания центральной бечевы. Запуск, управление и самое главное – вываживание пойманной, особенно крупной рыбы, требовали специальных навыков и сноровки. «Саночками» было удобно ловить там, где под водой было много коряг, утонувших деревьев, кустов. Так как в воде практически ничего не было из элементов снасти, исключались зацепы и обрывы лески. Очень хорошо было ловить под нависшими над водой кустами, деревьями, куда спиннингом забросить блесну было невозможно. Ловились на эту снасть хариус, чебак, краснопёрка, ленок и таймень. Позже я наблюдал, как таким же способом ловят рыбу, с медленно движущейся моторной лодки, на озере Байкал.

Выезд был назначен на один из дней во второй половине июня. Накануне мы выехали на станцию, дождались прохо-

дящий на запад «Ученик», и, к великому изумлению, быстро договорились за приемлемую плату о перевозке нашей поклажи и велосипедов с рыжебородым, и не таким уже свирепым дядей Витей. После чего вернулись домой собирать вещи. Предметом долгих споров был вопрос о том, кому везти громадный таз? Не выдержав нашего с Жаровым натиска, Фома согласился, таз был уложен в сделанный из брезента вещевой мешок и торжественно помещен на спину Володе. Мгновенно он стал похож на большую морскую черепаху с зачехлённым панцирем – мы покатались со смеху.

– Будете смеяться – не повезу! – медленно повернувшись, изрёк Фома.

Пришлось сделать вид, что всё не так комично, иначе, если таз одеть на меня или на Юрку, то в его внушительном объёме, мы выглядели бы, как одинокие кильки в большой железной банке.

Зная способность Жарова проспять всё, и вся, ночевать его оставили у Фомы, благо родители того и сестра уехали в гости к родственникам. Мне же предстоял ещё длинный разговор с родителями, но отец, по-моему, был на моей стороне и действительно, разрешение было получено.

На следующее утро, задолго до прихода поезда, мы были на вокзале. Оставив имущество и велосипеды на попечение Фомы, мы с Жаровым купили билеты в окошечке билетной кассы пустого зала ожидания. Поинтересовавшись у заспанной кассирши, не опаздывает ли поезд, получив отрицатель-

ный ответ, вышли на перрон.

Багрово-оранжевое солнце медленно поднималось из-за синеватых, рассветных туч над дальними горами, красноватый свет его осветил вершины окружающих сопок, но в глубоких распадках по-прежнему стояла голубая, предрассветная сумеречность. Воздух казался наполненным сырой утренней прохладой, немногочисленные пассажиры зябко ёжились, стоя на платформе, в ожидании поезда. Отполированные бесконечные нитки рельсов исчезали на горизонте в лёгкой утренней дымке. Неожиданно очнувшийся диктор, громогласно, писклявым женским голосом объявила по радио, о проходе по такому то пути «четного», а может, «нечётного». Далеко на востоке возник приближающийся шум и через несколько минут, оглашая станцию паровозным гудком и сумасшедшим грохотом, неся за собой пыль и запах мазута, на запад пронёсся порожний, наливной состав. В наступившей после него тишине, долго было слышно, как одиноко, не в такт, стучат колёса хвостового, нещадно болтающегося на стыках вагона-цистерны.

Наконец потихоньку, будто бы бесшумно, подкатился наш, пригородный. Мы быстро погрузили в багажный вагон свои велосипеды с притороченной к ним поклажей, зачехлённый панцирь – тазик, помогли дяде Вите выгрузить хлеб для местного железнодорожного магазина. И предъявив билет, поднялись в тёплый полупустой вагон. Раздался короткий паровозный гудок, за окном медленно поплыли на-

зад бревенчатый вокзал, навес летнего базара, пузатая водокачка и маленькое здание железнодорожного клуба. Вскоре плавно исчезли в проёме окна въездные ворота Северного городка с красными звёздами на створках, мой двухэтажный деревянный дом, в третьем ряду таких же деревянных офицерских домов, приземистые склады с вышками часовых по углам, самолёты на стоянке под дальними сопками. И вот уже замелькали, в ускоряющемся темпе, телеграфные столбы, с бегущими нитками проводов, деревья, кусты лесопосадки, дальние и ближние поля, перелески и рощи. Поехали!

Неожиданная встреча

Конечный пункт нашего путешествия по железной дороге был выбран заранее – небольшой посёлок, южнее которого в нескольких километрах протекала река. Именно из этих мест раньше осуществлялся сплав леса, и мы надеялись на берегу найти необходимый материал для постройки плота. Посёлок, как многие населённые пункты, расположенные возле железной дороги, имел два названия. Одно на бурятском языке, другое, имело распространение среди русских жителей и значилось как «тридцать девятый разъезд». Когда-то во времена освоения этих таёжных краёв, железная дорога была однопутной, для разъезда встречных поездов, через определённые расстояния устраивались участки с двойной колеей – так называемые разъезды. Они то и име-

ли числительные в своём названии – тридцать девятый, сороковой и так далее

Около восьми часов утра мы благополучно прибыли на тридцать девятый разъезд. Успели за короткую стоянку поезда выгрузить своих двухколёсных коней, поклажу и, не привлекая особого внимания, выехать за околицу поселка. Здесь ещё раз проверили имущество и определились, куда ехать дальше, несмотря на то, что солнце стояло довольно высоко, с реки тянуло прохладой. Вот тут Жаров и преподнёс нам, заранее приготовленные подарки – три одинаковых темно-зелёных спасательных жилета. С внутренними кармашками, наполненными каким-то серым порошком в прозрачных пакетах, который, по утверждению Жарова, увеличивался в объёме при попадании воды и надувал жилет. Как они сработают, мы не знали, но, надев, сразу почувствовали себя теплее. Тут же была продемонстрирована укомплектованная медицинская аптечка, о необходимости которой мы за сборами и забыли. Поблагодарив нашего друга, продолжили путь.

Хорошо натоптанная тропинка вскоре вывела нашу колонну к реке, подёрнутой лёгким туманом. Проехав ещё около километра вверх по течению, мы увидели небольшой остров, отделённый от нашего берега не широкой, но достаточно глубокой протокой. На островке, застряв в густых ивовых кустах, валялись очищенные от веток брёвна, какие-то доски и прочий мусор, по-видимому, занесённый сюда весенним

половодьем. Высокий берег, густые заросли ивы, делали нас почти незаметными со стороны посёлка. Распаковав инструмент, спрятав в тень велосипеды, мы сняли свои лёгкие брюки-трико, обувь и перебрали на остров выбирать строительный материал. Работа шла быстро и уже через час, в протоке плавали достаточно толстые, ровные брёвна, которым предстояло стать плотом. Пока мои друзья пилили заготовки, делая их одинаковой длины, я топором заготовил в загущённом мелком осиннике жерди для устройства палатки, перил, шестов и руля. Когда дело дошло до сколачивания плота, выяснилось что, какую-то часть скоб Юрка насобирал где-то на пожарище, и они так перекалились в огне, что теперь, несмотря на кажущуюся прочность, сравнительно легко гнулись в руках. Тем не менее, с помощью проволоки, поперечных брусков, палуба плота была собрана. И тут мы столкнулись с первой проблемой – плот не имел нужной плавучести, при восхождении на него всех троих, он предательски погружался в воду. Необходима была ещё парочка хороших, достаточно толстых брёвен, но все поиски подходящих экземпляров, положительных результатов не дали. Было решено закончить устройство остальных элементов здесь – на месте. А затем, осторожно сплавляясь вниз, найти подходящие бревна и закончить строительство плота. Решив так, мы приступили к оборудованию палатки, ограждения и руля.

Солнце уже стояло довольно высоко, и нам надо было поторопиться. Посередине плота, ближе к носовой части,

из выбранных более-менее ровных досок от старого забора, был сооружён настил. На шести одинаковых чурбачках он поднимался над плотом на тридцать-сорок сантиметров, и размерами позволял вольготно уместиться на нём трём спящим. Закончив стучать топорами, мы улеглись на настил.

– Хороша лежанка! – слегка повозившись, промолвил Фома.

– Ох, и поспим! – в тон ему, мечтательно продолжил Жаров.

– Не постель, а лежище морских котиков, – сказал я и осёкся...

На обрыве, прямо над нами стояла группа подростков. Ребят было шестеро, впереди ближе всех к краю, стоял, картинно отставив ногу, по-видимому старший. На вид ему было лет пятнадцать, некогда синие трико, мокрые резиновые тапочки на босу ногу составляли весь его гардероб. Широкий в плечах, хорошо сложен и уже до черна загоревший, сзади ещё три пацана, наверное, братья-погодки в таких же застиранных штанах, в разнокалиберных с чужого плеча пиджаках и куртках на голое тело, босиком. На плечах двоих, на палках покоился чиненный-перечиненный бредень с гирькой вместо груза в мотне. Судя по тому, что бредешок был ещё сухой и топорщился бурой речной травой застрявшей с прошлого раза, войско только шло на рыбалку, и случайная встреча не входила в их планы. Сзади, выглядывая из-за спин старших, постоянно шмыгая носом и переступая

по песку покрасневшими в «цыпках» ногами, суетливо оглядывались ещё два мальчугана. Одинаково коротко стриженных, в мокрых трусиках и одинаковых клетчатых рубашках, застёгнутых на все доверху пуговицы.

– Сползаем и продолжаем стучать, – сквозь зубы, тихо процедил я.

Не обращая внимания на неожиданных гостей, бочком, держа в поле зрения мальчишек, мы по очереди сползли на палубу плота, и с небывалым усердием принялись забивать гвозди и стучать, по уже забитым скобам, делая вид, что полностью заняты работой.

– Вы откуда? – наконец промолвил старший, устав, по-видимому, так долго стоять в картинной позе, тем более что мы не обращали на неё никакого внимания

– От верблюда! – резко буркнул Фома, не разгибаясь и продолжая перебирать скобы, неизвестно как попавшие в руки.

Повисла зловещая тишина. Затем там, наверху, вполголо-са стали обсуждать случившееся и решать, что делать с этими неизвестными. По-видимому, противников смущала наша одинаковая одежда – плавательные жилеты явно армейского происхождения, делавшие нас одинаковыми как солдаты в строю, и кажущимися чем-то единым и монолитным. Наше независимое поведение и отсутствие признаков страха, тоже сдерживало стремление тут же вступить в драку.

Неподдельный интерес у местных мальчишек вызывали наши велосипеды, редкие в этих отдалённых местах спиннинги с блестящими катушками, и разборные удочки, – мечта каждого деревенского пацана.

Наверху совещались. Каждый из нас тоже мысленно прикидывал наши возможности и предполагаемые последствия... Плот наш был не готов, но если бы мы даже смогли молниеносно спустить его на воду и уплыть, нам навсегда пришлось бы расстаться со своими двухколёсными конями и имуществом, сложенным под кручей, как раз под ногами противника. Конечно, можно было пойти в рукопашную, и возможно рассеять противника. Но два шустрых маленьких пацана, готовые смыться уже сейчас, поглядывавшие в сторону ближайших кустов, непременно сбежали бы и уже через полчаса, здесь собралось бы всё подростковое мужское население деревни. Возможные последствия были бы для нас печальны, в лучшем случае, избитые, мы вечерним поездом уехали бы домой без вещей и транспорта. В худшем, не дожидаясь вечера, подгоняемые многочисленными врагами, отправились туда же пешком по шпалам и к следующему утру были бы дома.

Молчание затягивалось, на обрыве в полголоса переговаривались, судя по отрывочным громким фразам, дело шло к драке. Юрка и Фома, не выпуская из рук топоров, сосредоточенно ходили по плоту, как будто что-то искали. Хотя, зная своих друзей, я на сто процентов был уверен, что ни

один из них не применил бы орудие труда против людей. Я тоже передвинул алюминиевые ножны своего охотничьего ножа по ремню со спины на живот и спросил озабоченного Фому:

– Что потерял?

Вместо ответа, Вовка поднял с настила плота пережжённую скобу без видимых усилий, играючи, завернул её в два кольца, плюнул и бросил скобу под ноги. Затем взял вторую так же загнул и её, затем, шутя, вновь разогнул и, вставив остриё скобы, в старую еле заметную дырку в бревне, с одного удара забил обухом.

Естественно от настороженных взглядов противников не ускользнуло ни одно его движение, ни один шаг. На обрыве уважительно затихли...

Затем тот же голос, но уже без прежних ноток враждебности, даже как-то по-дружески, спросил:

– Эй, ребята, вы откуда? Вы кто?

Тут уже я едва сдержался, чтобы не ответить в рифму:

– Дед пихто! – но проглотил готовую сорваться с губ фразу, надо было налаживать отношения. Мы назвали свой посёлок.

– А, это где аэродром? Знаем, знаем! – обрадовано сказал кто-то из братьев.

Самолёты, заходящие на посадку, как раз пролетали вблизи этого посёлка.

– Иногда пролетают над нами, – уже почти миролюбиво

промолвил старший мальчишка.

– А к нам «пелет Новым годом концелт оттедава плизжал», не выговаривая букву «Р», шепелявя выпавшими передними зубами, протараторил один из маленьких. На него цыкнули братья. Противник ещё пытался сохранить значимость, но это ему уже не удавалось.

– Так это мы и были! – чтобы окончательно разрядить обстановку, сказал я,

– вот он – указал на Фому, – держал всю гимнастическую пирамиду, я плясал в танцевальной группе, Юрка, – похлопал его по плечу, – показывал фокусы. После этих слов, Юрка поднял с настила маленький гвоздь, покрутил в руках ... и гвоздь исчез, затем он быстро вскарабкался по обрыву, подошёл к ребятам и извлек гвоздь из кармана пиджака мальчугана с бреднем. Развел руками, гвоздь исчез, и появился вновь, для того, чтобы в очередной раз исчезнуть в нагрудном кармане рубашки одного из младших. После чего, Юрка стремительно сбежал вниз и снова продемонстрировал волшебный гвоздь.

На обрыве восторженно засмеялись, а маленький парень начал лихорадочно хлопать себя по карману, пытаясь найти то, что там никогда не лежало.

Действительно, в прошлом году, неутомимая Лариса Николаевна – учитель физики, «откопав наши таланты», создала концертную группу художественной самодеятельности школы. Мы успешно выступали на сцене Дома офицеров,

на районных конкурсах и не раз занимали призовые места. А затем, на выделенном воинской частью автобусе, объехали ближайшие и дальние населённые пункты с концертами. Где, не избалованная благами цивилизации публика, приняла нас как столичных артистов на «бис!» И вот теперь такая необычная встреча со зрителями и почитателями наших талантов.

Постепенно разговор налаживался, ребята спустились к нам на плот, выяснилось, что есть общие знакомые и друзья. Мы коротко рассказали о себе, своих планах, посетовали на потерянное время и отсутствие необходимых брёвен. Показали свою снасть, особенно наших новых друзей интересовал спиннинг, который они называли «рулеткой», оказалось, что у директора местной школы есть такой же, и он ловит на него крупных тайменей. Я продемонстрировал его в действии и, забросив несколько раз, почувствовал на конце лески добычу, к общему изумлению вскоре на берегу в траве прыгал килограммовый ленок с оранжевыми боками и пятнышками вдоль спины. Радости местной детворы не было предела!

В знак дружбы, пойманный трофей был подарен нашим новым друзьям, впрочем, и они не остались в долгу. Старший что-то сказал своим, и два брата скрылись на тропинке в зарослях ивняка, вскоре они появились из-за поворота реки, плывя почти посередине, толкая впереди себя два бревна, именно нужных нам размеров. Общими усилиями

мы завели их в протоку и прибили скобами с обеих бортов нашего плота, слегка подняв его настил. Получилось что-то наподобие катамарана или Юркиных «саночек». Новый плот легко выдерживал нас и всю нашу поклажу, а также троих из наших новых друзей и только после этого начинал слегка подтапливаться. Работа шла дружно, ребята охотно выполняли наши просьбы и помогали нам в строительстве ковчега. Солнце едва перевалило зенит, когда дела были закончены. Мы вывели свой катамаран в основное русло и осмотрели его.

У нас получилось устойчивое, вместительное, достаточно плавучее средство, размерами – в ширину, чуть более двух метров, и в длину, примерно, четыре. Носовая часть бревен была спилена, и судно имело острый нос, вдоль этих «скул» были прибиты широкие жерди, чтобы плот не зацеплялся за коряги и прибрежные кусты. Причём необходимость этого подсказали местные ребяташки, впоследствии мы не раз мысленно благодарили их за это.

В середине плота, ближе к носу, располагалось «лежбище котиков» – это название так и приклеилось к нашему месту отдыха. Над ним на жердяном каркасе была натянута палатка из брезента окошечком вперед по ходу движения. Младшие ребяташки натаскали откуда-то прошлогоднего сена, мы толстым слоем положили его на настил, накрыли брезентом – получился прекрасный матрац. Мешок от тазика-панциря, а также два наших вещевых мешка пре-

вратились в набитые сеном подушки. В изголовье аккуратно сложили ранцы с имуществом, снятые с велосипедов. За палаткой, отступив от неё около метра, стоящий на кирпичках медный таз, был прибит тремя длинными гвоздями к палубе. Над ним две рогатины, а сверху поперечную палку для таганка. Неизвестно откуда была принесена какая-то решетка от сельскохозяйственной машины, на которой, положив её на разожжённый в тазу костёр, можно было готовить еду. Рядом сложили, заготовленные впрок, дрова. На торжественно разожжённый костёр, не менее торжественно, был водружён для кипячения старый закопчённый чайник.

Сзади за костром-тазом мы прибили перила и длинную скамейку для отдыха экипажа. К перилам металлическим штырём крепилось весло руля, сделанное из толстой жерди и широкой, прочной доски. Плот дополнительно укомплектовывался тремя жердями для управления. Над палаткой установили флагшток. Велосипеды приставили к стенам палатки с трёх сторон и привязали верёвками. Плот позволял сравнительно легко передвигаться по нему, не рискуя упасть в воду.

В самый разгар работы, за кустами послышался характерный звук вращения катушки забрасываемого спиннинга. Вскоре на берегу появился средних лет мужчина, одетый по-спортивному со спиннингом в руках. Пока он, делая забросы и выкручивая блесну, подходил к нам, мальчишки сообщили, что это директор школы и зовут его Петром Ивановичем.

Директор оказался добрым человеком и прекрасным собеседником, расспросив о наших планах, о школе и учителях, со многими из которых он был знаком, Петр Иванович сказал, что путешествие наше вызывает у него тревогу. Мы обещали по возвращению домой сразу позвонить ему в школу. Директор рассказал о реке на этом участке, об опасных местах и перекатах, посоветовал пройти опасные места «Трубу» и «Чёрную скалу» засветло, или переночевать, не доходя до них, километрах в семи, ниже по течению тридцать девятого разъезда.

Отказавшись от предложенного чая и пожелав удачи, он пошёл вверх по течению, забрасывая блесну.

Пока мы заканчивали работу и беседовали с Пётром Ивановичем, Жаров заварил чай, скрипя сердцем, открыл «НЗ» – прошлогоднее брусничное варенье, мы вместе с нашими новыми друзьями попили чай, на прощание подарили ребятам пачку рыболовных крючков, как они говорили, «магазинных» и кусок лески.

Уже перед самым отплытием был поднят флаг и плот стал судном. Наконец отчалили, стрелки на наших самолётных, с трёхдневным заводом, часах, показывали четырнадцать. Всё шло почти по графику, мы выгребли на средину реки. На крутом берегу всё удаляющимися маленькими фигурками стояли новые друзья и махали руками.

Спасибо вам ребята! Спасибо за вашу помощь и участие!
Впереди нас ждал полный опасности многокилометровый

неизвестный путь! Ждали новые приключения и встречи!

В «трубе»

Давно исчезли за очередным поворотом реки деревянные строения посёлка, а мы молча, обдумывали произошедшие события, анализируя свои действия.

– А ты ловко со скобами придумал! – наконец нарушил тишину Жаров, пытаясь как-то смягчить свою вину за некачественные скобы.

– Да я ничего и не придумывал, когда волнуюсь, руки некуда девать. У доски в школе тряпку выжимаю, да так, что она из мокрой, становится сухой. А тут вот скобы подвернулись, я и давай их узлом по привычке закручивать!» – оправдываясь, ответил Фома, – ты тоже хорош со своими фокусами, давай им гвозди по карманам распихивать, я думал нам ничего не останется, а они станут похожими на металлических ёжиков! – добавил Володька.

– Это нам наука, нельзя быть такими беспечными, что бы ни делали, всё равно кто-то должен по сторонам глядеть, всегда надо быть на чеку! Хорошо, что миром всё закончилось, а то плелись бы сейчас с битыми рожами, босиком по шпалам, «горе путешественники» – подвел я итог разговора. – Поэтому предлагаю, – днем все ведут наблюдения по сторонам за водой и берегом. Независимо от того, чем бы ни занимались – рыбачили, готовили еду, отдыхали. Ночью встаем

на отдых так, что бы с берега на плот незамеченным попасть было нельзя. Спим по очереди с двенадцати ночи до шести утра, кому мало – может отсыпаться днём. Еду так же готовим по очереди, сегодня пусть заканчивает Жаров, коль уже угощал чаем. Завтра кормлю я, послезавтра Фома. Питание трёхразовое – завтрак, обед и ужин, по мере готовности еды. Общую посуду моет дежурный, личную – каждый. Пойманную рыбу используем для еды, остальную солим в ведре, кто поймал – тот и солит. У кого ещё есть предложения? – подытожил я то, что мы неоднократно обговаривали, готовясь к походу.

– А кто будет рулить, управлять плотом? – спросил Юрка.

– Мне кажется, в течении дня, – все по очереди, а в опасных местах, все вместе, – предложил Фома. Молчание было общим знаком согласия. Наш катамаран, между тем, бойко бежал по течению, ловко избегая мелей и перекатов, лишь иногда царапая брёвнами донную гальку. Уровень воды в реке был достаточно высок, что позволяло обходить мели и коряжистые участки. Жаров, не имеющий спиннинга, встал к рулю, как викинг, всматриваясь в хитросплетение течений. Время от времени, перебегая с веслом руля с одного борта на другой. Изредка он поднимал из воды доску руля и подгребал ею, дабы ускорить поворот плота. И это у него, на удивление, ловко получалось.

– Ты прямо как лоцман – пошутил я – скоро будешь давать платные уроки.

– Действительно, уроки платные. Но особо не хвали, вот въеду на мель, все шишки будут моими, – отшутился Юрка, шевеля рулём, и вытирая взмокший лоб майкой вместо платка.

Мы с Фомой взяли спиннинги, собрали нужные грузы и блёсны, прошли за палатку ближе к носу и, не мешая друг другу, принялись делать забросы и проводку блёсен. Как говорят, «хлестать» реку. Это привычное для рыбаков занятие, при выполнении с плота, требовало особой ловкости и навыков. Если ты делал заброс вперёд – по ходу движения, то приходилось быстрее вращать катушку спиннинга, чтобы вращающаяся блесна не тащилась по дну, а шла «в пол воды», изображая рыбку. Если заброс приходился в направлении кормы, то крутить катушку надо было медленнее, что бы суммарная скорость движения плота и вращения катушки не выдёргивала блесну поверх воды, превращая её в маленький пропеллер. Поэтому оптимальным оказался заброс вперёд и в сторону одного из бортов, в этом случае блесна небольшой участок проходила по течению, затем, поравнявшись с плотом, разворачивалась и как бы шла какое-то время за ним. Догонявший добычу хищник, настигал блесну на повороте и, как ему казалось, жертва изменяла направление, почувствовав погоню, собираясь скрыться – вот тут он её и хватал, на свою голову

Из большого набора собственноручно изготовленных блёсен, я выбрал «Трофимовку», два карабинчика, а также от-

литый груз среднего веса и размера. Карабинчики через кольца соединялись с блесной и грузом, не давая возможности поводку закрутиться. Зная привычку ленка и тайменя, из двух плывущих друг за другом рыбок, в первую очередь хватать переднюю, грузило тоже было оснащено тройником. Леска на спиннинге была обычная толщиной – ноль сорок пять, что позволяло делать дальние забросы и, при необходимости, вываживать солидный улов.

Проплыв по течению около полутора часов, постоянно делая забросы, мы с Фомой кое-что поймали. Хотя с движущегося плота ловить неудобно и менее интересно, чем с берега или стоящей лодки. Там можно обловить всю заводь, всё улово или перекат. А тут всё на бегу, что случайно схватилось – то и твоё. Первую поклёвку я почувствовал на восьмом или девятом забросе, когда мы плыли вдоль заболоченного, покрытого травой берега. Как будто что-то ударило по леске, затрудняя вращение катушки, вроде как зацеп за траву или дно. Затем серия одинаковых ударов и ощущение сопротивления вращению, как будто что-то тащится за блесной, дёргая и сопротивляясь. Опытному спиннингисту уже после первого удара было ясно, что это рыба.

Поэтому я громко оповестил – «Идёт!». Это было условное слово, которое знали мой отец, брат и товарищи-рыбаки. Если отец громко кричал, находясь за кустами – «Идёт!» – это значило – бросай всё и беги на помощь, это означало, что он сомневается в возможности одному вытянуть рыбку

на крутой берег. Это оповещало о том, что нужна помощь! Тут я сказал это чисто автоматически, но Фома быстро вытащив свою блесну, мгновенно очутился рядом в готовности помочь.

Рыба как-то странно сопротивлялась – чувствовалось, что размеры её не такие уж большие, в то же время, сопротивление было яростным. Пока я боролся с неизвестным хищником, он оказался уже позади плота, и когда мне, наконец, удалось подтащить добычу поближе, пойманной рыбой, оказался великолепный окунь размером с небольшой поднос, зелёно – полосатого цвета. Который упорно не хотел идти к плоту и когда становился своим широким боком поперёк движения, тормозил весь рыболовный процесс. Проявляя резвость и хитрость, окунь даже подведённый к плоту, пытался поднырнуть под него оборвать леску и скрыться. Но не тут-то было! Предвидя это, я дал ему слабину, а затем, резким движением удилица, через кормовую часть правого борта удачно выдернул его на плот. Да так, что тот оказался в палатке на нашем «лежбище», где его и настиг Фома. Володька, снимая окуня с блесны, приговаривал:

– Ну, ты парень и хам! Из воды и сразу в постель! Ну, ты и нахал!

Для нашей горной, быстрой реки окунь таких размеров – достаточная редкость. Подобные экземпляры обычно живут в старицах и озёрах, отделённых от основной реки. По-видимому, весенний паводок вынес озёрного жителя в основное

русло, где он и был мною пойман.

Через некоторое время Фома поймал достаточно крупную щуку. Потом у меня было два схода средних размеров ленков, я их просто не смог вытянуть на плот, нужен был подсачник, которым мы не запаслись. Безуспешно забросив блёсны ещё несколько раз, мы прекратили рыбалку, готовясь к встрече «с трубой».

Как объяснил Пётр Иванович, – после того, как плот выравнивается с каменной осыпью по правому борту, река сначала понесёт плот всё быстрее и быстрее, затем течение плавно повернёт влево, и он окажется на широком и спокойном плёсе. Но это спокойствие, только кажущееся, в конце плёса, в полутора – двух километрах от поворота, основное русло делится на три маленьких протоки, правая и средняя – очень мелкие и плот по ним не проплывёт. А вот левая – хотя и узковата, но полноводная, с нависшими деревьями, вполне пригодна для сплава, она несёт воду под большим уклоном, имеет три крутых поворота, отмелей и перекаатов нет, глубина – от полуметра, до двух с половиной метров, длина – более двух километров. Как рассказал директор: – «я там, на самодельной резиновой лодке несколько раз сплавлялся». С выходом из «трубы», протоки вновь объединяются в одно русло, достаточно широкое, и полноводное. Сразу после «трубы» течение быстрое и бурное, далее, спокойное и плавное. В трёх километрах ниже «трубы», река всей своей гигантской мощью бьёт в гранитную скалу, создавая громад-

ный водоворот, с воронками и бурлящей водой. Затем, почти под прямым углом, поворачивает направо, кипит и клокочет на протяжении ещё нескольких километров. «Перед скалой я порекомендовал бы вам, закончить путешествие! Ваш плот разобьёт в щепки, это очень опасно! Остановитесь и сойдите на берег заранее. Ближе к водовороту вы просто не сможете остановиться, там не за что зацепиться!» – предостерег Пётр Иванович на прощание.

Мальчишки рассказали, что это место пользуется дурной славой и зовётся – «Черной скалой». На самой вершине голой скалы стоит дерево, русские его называют – «Бурятский бог». Обычное дерево, с привязанными на нём тряпочками, ниточками, кусочками шерсти, к подножию, которого бросают деньги, безделушки, бумажки с просьбами к духам. К этому дереву, в определенные дни, приходят местные жители и проводят свои религиозные обряды. На скалах стоящих против «Черной скалы», существуют рисунки и надписи древних людей, многие из которых ещё никто не расшифровал. В огромном водовороте под скалой, по преданиям, живет какое-то неизвестное существо, которое местные люди, якобы, видели. Оно с шумом плещется в воде и издаёт странные звуки, в основном поздним вечером и ранним утром. Всё это нам предстояло увидеть и познать!

А пока мы неслышно плыли по довольно спокойной реке, наслаждаясь тишиной, любуясь живописными картинами природы, меняющимися по обоим берегам. Воды реки,

искряться и мерцая бликами солнца, переходили в жёлтую полосу песчаных обрывов, с могучими стволами и пышными ветвями вечнозелёных сосен, золотящихся в лучах летнего солнца, и венчающих эти стволы.

Выше, серые, с красноватыми прожилками скалы, изрезанные изумрудными расщелинами, поросшими плакучими берёзами и ивами. На самом верху, на скалах, тёмно-зелёные, пушистые ветви красавиц елей, выстроившихся, как на параде. А над всей этой красотой, бездонное синее небо со стайками пушистых белых облаков.

Задолго до предполагаемого входа в «трубу», мы начали смещаться к левому берегу. Делать это было не сложно, так как основная масса, несущейся вместе с нами воды, так же незаметно стекала влево. Вода прозрачным горбом скатывалась вбок, и лишь малая часть её уходила вправо, в сторону мелких протоков.

Впереди возникла приближающаяся стена густых кустов, в которой, казалось, нет прохода, и плот непременно в неё врежется. Мы с тревогой и волнением всматривались в возникшее препятствие. Как всегда, не теряющий присутствия духа Жаров, топориком освободил основание флагштока, опустил его, снял флаг и, сложив, спрятал в палатке под подушкой, увидев это, Фома тягуче, дребезжащим голосом запел:

– Мы пред врагом не спустили славный Андреевский стяг... – про утонувшего «Корейца» он допеть не успел...

Плот, влекомый течением, как бы поднырнул под нависшие кусты, и мы понеслись по узкому руслу между мелькающих по обеим сторонам стволов и веток ивовых зарослей, солнце, с трудом пробивалось сквозь сомкнувшиеся кроны деревьев, и внизу стоял зеленоватый полумрак. Встречные ветки неистово скребли и били по брезенту палатки, велосипедам и жердям ограждения. Как вовремя, Юрка снял флаг! Иначе он бы так и остался висеть на одном из деревьев на удивление редких местных рыбаков – откуда в такой чаще взялся этот красивый флаг?

Скорость была приличной, изредка плот бился крайними брёвнами о берега и царапал днищем галечное дно. Рассмотреть сквозь несущиеся навстречу ветки, что творится впереди, практически было невозможно. Оказавшись в момент входа в «трубу» на носу плота Жаров упал на брёвна, и теперь, закрываясь руками от хлещущих веток, истошно орал: – Вправо!! Влево!! Ещё вправо!!

Пригибаясь за палаткой от несущихся веток, Фома, стоящий у руля, по мере возможности выполнял его команды, мне пришлось длинной жердью, рискуя быть сброшенным в воду, отталкиваться от приближающихся опасных берегов. Так мы промчались несколько маленьких поворотов и опасных мест, но на очередном крутом вираже, плохо управляемый плот всей своей машиной, ломая кусты, был выброшен на берег. Остановка была такой внезапной, что Фома, выпустив из рук руль, влетел в палатку. Последнее что я увидел,

было перекошенное лицо Жарова со съехавшими в бок очками и его руки судорожно пытающиеся зацепиться за бревно палубы.

Меня выбросило с плота, следом больно стукнув по голове, полетела рулевая жердь. Наглотавшись воды, оцарапав живот о донные кусты и коряги, я с трудом выбрался на берег, метрах в тридцати ниже по течению, обеспокоенный судьбой товарищей, сразу же поспешил назад – к плоту. Не пройдя и половины пути, встретил несущегося и ломающего как дикий кабан всё на своём пути, запыхавшегося Фому:

– Фу-у! – тяжело дыша, вымолвил он – я думал, мы тебя теперь только у скалы поймаем!

– Как Юрка? – вместо ответа спросил я.

– Цел! – ответил Вовка – очки чуть не потерял, хорошо накануне догадался привязать резинкой.

Мы подошли к плоту, о скором освобождении из плена нашего плавсредства, не могло быть и речи. Плот крепко сидел на корневищах кустов, выехав на них почти на треть своей длины, кормовая часть ушла в воду и теперь она плескалась возле самой нашей постели. Но в полузатопленном снаружи тазике продолжал дымиться костерок, Юрка выкидывал на берег, оказавшиеся почему-то в палатке, запасы дров. Мы пересчитали имущество, не хватало только крышки от эмалированного ведра и одного резинового тапочка Фомы. В сердцах он выбросил в воду и второй, громко успо-

каивая себя тем, что они были, якобы, старыми.

Первые попытки с помощью жердей, столкнуть плот в воду не увенчались успехом, пришлось, вооружившись топорами, стоя на коленях в воде рубить скрюченные, твёрдые корни кустов. Несколько раз толстые подводные ветки с трудом поддавались лишь двуручной пиле. Время незаметно шло, солнце неумолимо клонилось к западу, а мы грязные и злые, порою по грудь в сбивающем с ног потоке, освобождали свой плот.

Наконец это нам удалось, плот качнулся на подхватившей его волне и... встал, поперек течения, прочно увязнув носовой частью в мокрый берег, а кормой взгромоздившись на подводную ветку какого-то дерева. Палуба предательски накренилась, велосипед Жарова, стоящий у левой стенки палатки, до половины колёс оказался в воде. Благо все вещи с палубы к этому времени, предусмотрительным Юркой были надёжно укрыты в палатке под брезентовым пологом. Иначе вновь кто-нибудь, наверняка остался бы босым, ещё около часа мы рубили в воде осточертевшие сучья и ветки. День, между тем, двигался к вечеру, дневная жара спала, и тут же появились наши заклятые враги – комары, они были и днём, но в гораздо меньшем количестве.

Сейчас они сотнями вились над нами, облепляя вспотевшие тела и мешая работать.

– Вот гады! – взмолился Фома и скомандовал, – всё, ребята идите на плот и раскачивайте, я с берега его подтолкну!

Мы с Жаровым взобрались на накренившуюся палубу и начали, держась за палатку, раскачивать плот, с борта на борт. Фома, подсунув под плот жердь, навалился на неё всей своей мощью. Вдруг, наше плавсредство неожиданно легко соскользнуло в воду, и поплыло, но кормой вперёд, а носом назад. Поплыло так быстро, что стоящий на берегу Вовка не успел даже ничего предпринять, он так и остался на берегу, с изумлением наблюдая, как мы быстро исчезаем за колышущимися, после нашего молниеносного прохождения, кустами. Попытаться плыть вплавь следом по набитой корягами протоке, было глупо и бессмысленно. Я только успел крикнуть:

– Ждём внизу!

Имея горький опыт предыдущего скоростного спуска, на этот раз мы не стали мешать самостоятельному движению плота, а легли на палубу и ухватились, за что было возможно. Бешеное мелькание кустов, удары плота о берег, свист, и хлестанье веток продолжалось, кажется целую вечность.

Неожиданно всё разом прекратилось, как будто мы вылетели из горлышка бутылки и оказались на широком плёсе, окаймлённом прибрежными тёмно-зелёными елями и пихтами. Было удивительно тихо, так тихо, что стало слышно, как на берегу в траве безумолчно стрекочут кузнечики, а где-то далеко, далеко, на левом берегу разносится барабанная дробь дятла.

Солнечный плёс

Красота увиденного пейзажа завораживала.

– Смотри, как хорошо! – вполголоса, словно опасаясь спугнуть тишину, произнёс Юрка.

– Поставить бы тут палатку на берегу и жить-поживать целое лето – мечтательно подтянул я. Мы помолчали, наслаждаясь тишиной и покоем.

– А Фома сейчас от комаров отбивается, дорогу по бурелому топчет! Как трактор! – вспомнил Юрка – Что делать то будем?

За это время, нас немного отнесло от устья протоки.

– Будем Вовку ждать и рыбачить – предложил я.

Вдоль правого берега течение было не сильным, и мы без труда, используя оставшиеся шесты, вернулись к выходу из протоки. Водяные струи здесь сливались – быстрые из протоки и медленные сбоку, из прибрежных омутов. Их граница явственно просматривалась, потоки окончательно сливались, перемешивались гораздо ниже по течению, обычно, такие места любит рыба. Стоит себе спокойно в тихой воде, смотрит, какую еду мимо неё пронесит течение и выбирает по вкусу. Как хитрый посетитель ресторана, стоящий у кухонных дверей и наблюдающий какие лакомства в зал пронесут мимо него официанты, чтобы потом, пройдя к столику, заказать понравившееся, что-то вроде движущегося меню.

Не разворачивая плот, мы кормой вперёд приткнулись к берегу, с помощью веревки закрепились за ствол ближайшего дерева, воткнутой в дно жердью, исключили его движение вправо и влево. Уютно расположившись на кормовой скамейке, собрали удочки, достали червей и приготовились к рыбалке. Жаров сбегал на берег, собрал валежник и в тазу развёл костёр, припорошив его мокрой травой, удушливый дым, разогнав недоевших комаров, белой, широкой полосой потянулся над рекой вниз по течению в сторону Черной скалы. Мы её ещё не видели, но шестым или седьмым чувством ощущали, она рядом!

Рыбалка на стыке двух струй требует определённого умения и сноровки, во-первых, можно рыбачить двумя способами – в проводку или донкой. В проводку – это когда глубина поплавком установлена в половину, или три четверти воды. И рыбак проводит плывущий поплавок до тех пор, пока хватает длины удилища и лески. Затем, следует перезаброс и опять проводка.

Донной удочкой способ ловли несколько иной, поплавок поднимается по леске к самому удилищу, заброс наживки производится по направлению течения, удилище устанавливается неподвижно или твёрдо держится в руках. Поклёвку можно определить по движению висящего поплавка, а также по рывкам натянутой лески. При тяжёлом грузе наживка лежит на дне, а при облегчённом находится в пол воды, в зависимости от течения. Для ловли хищной рыбы, можно наса-

живать живца – малька. Если рыбака устраивают любые трофеи, используют дождевого червя. Я выбрал способ с проводкой – люблю смотреть на поплавок, пляшущий в волнах. Юрка решил ловить на донку и стал поднимать вверх поплавок. В мешке с червями был выбран средних размеров, красный подвижный экземпляр и, несмотря на его явное нежелание, насажен на крючок. Заброс был рассчитан так, чтобы начало движения снасти происходило в быстрой воде протоки, а потом поплавок шёл по стыку медленной и быстрой воды. Первый заброс был безрезультатным – после того, как леска полностью вытянулась по течению, я перезабросил снасть. Не успел поплавок дойти до середины пути, как был стремительно утащен под воду. Резкая подсечка – и вот в руках уже бьется колючий, средних размеров окунёк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.